0 7/548

...сковскій Комитетъ
...рамотности

Александръ II
Царь-Освободитель



Александръ II,

ЦАРЬ—ОСВОБОДИТЕЛЬ.

АЛЕКСАНДРЪ II,

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ.

О 7/548

Е. Л.

Съ портретомъ и тремя рисунками.



МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Черныш. пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1892.

Дозволено цензурою. Москва, 22 Февраля 1892 года.





Александръ II,

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ.

Былъ онъ братолюбецъ... и добрый страдалецъ за землю русскую.

Преп. Несторъ лѣтописецъ.

Девятнадцатаго февраля 1855 года вступилъ на престолъ нашъ покойный императоръ Александръ II Николаевичъ.

— «Служи Россіи!» сказалъ императоръ Николай Павловичъ своему наслѣднику въ послѣдній день своей земной жизни. «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!»

тый взглядъ заставляли любоваться на него всѣхъ, кто его видѣлъ. Родители души не чаяли въ своемъ сынѣ. Государь Николай Павловичъ выбралъ ему въ воспитатели тѣхъ, кому онъ наиболѣе довѣрялъ и отъ кого ждалъ хорошаго примѣра. Воспитателемъ Наслѣдника назначенъ былъ нѣкогда храбро сражавшійся офицеръ, Карлъ Мердеръ, лично извѣстный государю, какъ человѣкъ въ высшей степени честный и добрый, но вмѣстѣ очень строгій. А наставникомъ царевича былъ Василій Андреевичъ Жуковскій, тотъ самый нашъ поэтъ, который нѣкогда привѣтствовалъ его рожденіе своими звучными стихами, оказавшимися впослѣдствіи истинно-пророческими; законоучителемъ же—протоіерей Герасимъ Павскій.

Эти-то три человѣка соединились для дружной работы—наставлять царевича всему разумному и доброму и имѣли радость видѣть, какъ всходили добрыя сѣмена на доброй почвѣ юной души.

Съ восьми лѣтъ царевичъ началъ учиться. Отецъ далъ ему въ товарищи двухъ мальчиковъ, графа Віельгорскаго и Паткуля. Царевичъ вставалъ обыкновенно въ шесть часовъ, готовилъ уроки одинъ, а съ учителями занимался вмѣстѣ съ своими товарищами.

Его дѣтство проходило беззаботно и счастливо.

Онъ обожалъ свою мать и своего отца, и единственными огорченіями его дѣтскихъ лѣтъ была разлука съ ними или ихъ недовольство своимъ сыномъ. Царевичъ рано сталъ считать исполненіе своихъ обязанностей безусловною необходимостью, а не какой-либо заслугою съ своей стороны. Когда ему случалось небрежно приготовить свой урокъ, онъ бывалъ въ отчаяніи и горько плакалъ. Если же онъ полѣнился нѣсколько дней, то Мердеръ доводилъ это до свѣдѣнія государя, который говорилъ сыну, что имъ весьма недоволенъ. Тогда мальчикъ такъ чувствовалъ свою вину, изъявлялъ такое раскаяніе, что самъ строгій Мердеръ уже просилъ за него снисхожхожденія у императора. Мердеръ былъ крайне требователенъ къ своему воспитаннику, вслѣдствіе своей чрезвычайной добросовѣстности, можетъ быть, иногда черезчуръ строгъ; но маленькій вел. князь любилъ его своимъ довѣрчивымъ сердцемъ отъ всей души. Стоило сказать строгому воспитателю, что какая-нибудь шалость или капризъ огорчаютъ его, какъ его маленькій воспитанникъ забывалъ и думать о своемъ упрямствѣ, бросался ему на шею и просилъ прощенія: такъ пугалось его сердце и мысли огорчить кого-нибудь, тѣмъ болѣе своего любимаго воспитателя. Если Мер-

деру нездоровилось, маленькій царевичъ тревожился и безпокоился, и осыпалъ его ласками, всячески стараясь помочь ему забыть свои страданія. Строгій Мердеръ и его кроткій воспитанникъ были большіе друзья. Въ лѣтнее время царевичъ, всегда сопровождаемый Мердеромъ, занимался изученіемъ военнаго искусства, вмѣстѣ съ кадетами, участвовалъ въ маневрахъ. Ночевать гдѣ-нибудь на сѣнѣ, на полу, вмѣстѣ съ кадетами, доставляло ему неописанное наслажденіе. Онъ былъ смѣлый мальчикъ, великолѣпно ѣздилъ верхомъ, отважно плавалъ и нырялъ. Купанье было его любимое удовольствіе. Онъ росъ крѣпчимъ и сильнымъ.

Съ лѣтами все укрѣплялся здоровый духъ его въ здоровомъ тѣлѣ. Наступали годы отрочества, и Жуковскій, продолжая знакомить своего ученика съ тѣмъ, что̀ окружаетъ его и съ тѣмъ, что̀ онъ есть, сталъ объяснять ему и чѣмъ онъ *быть долженъ*, говорить ему и о томъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное.. Жуковскій былъ полонъ мыслью о томъ, что цѣль воспитанія есть образованіе для добродѣтели. Онъ безконечно радовался своей непорочной душою, когда юному ученику его случалось сказать или сдѣлать что-нибудь, изъ чего онъ

видѣлъ, что великій князь все болѣе и болѣе сознаетъ, что значитъ долгъ и достоинство человѣка.

Среди блеска двора, окруженный почетомъ, маленькій царевичъ никогда не выказывалъ ни малѣйшей надменности или тщеславія. Съ товарищами онъ жилъ очень дружно. Віельгорскій былъ добрый, тихій мальчикъ, а Паткуль былъ не таковъ: бойкій, задорный, онъ любилъ приставать къ своимъ товарищамъ, такъ что Мердеру приходилось удерживать его и дѣлать ему выговоръ, когда онъ злоупотреблялъ кротостью и снисходительностію маленькаго царевича.

Царевичу приходилось иногда ѣздить по Россіи со своими родителями. Такъ въ 1829 году государь взялъ его съ собою въ Польшу. Тамъ въ одномъ мѣстечкѣ онъ посѣтилъ казармы, въ сопровожденіи оданнадцатилѣтняго Наслѣдника.

Одинъ заслуженный офицеръ залюбовался на великаго князя и сказалъ ему: «Я бы желалъ имѣть счастіе поцѣловать вашу руку». На это Александръ Николаевичъ быстро возразилъ: «Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ» и съ этими словами бросился на шею офицеру и поцѣловалъ его. Тотъ старался послѣ поцѣлуя схватить руку великаго князя, но Александръ Николаевичъ увернулся, сконфузился и поскорѣе

убѣжалъ къ государю, который въ это время ушелъ впередъ.

Мердеръ и Жуковскій завели такой порядокъ со своими воспитанниками. Чье поведеніе и ученіе бывало вполнѣ безупречно за недѣлю, тотъ имѣлъ право получить нѣкоторую сумму въ кассу для помощи нуждающимся. Великій князь никогда не могъ видѣть безъ участія бѣдности или несчастія. Во время своихъ далекихъ прогулокъ съ Мердеромъ или съ Жуковскимъ, онъ заходилъ иногда къ какому-нибудь бѣдняку и охотно помогалъ ему. Онъ еще не задумывался надъ бѣдностью и горемъ, будучи такъ далекъ отъ всего грустнаго среди любящей, счастливой семьи. Но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ крѣпче западало въ душу его состраданіе. Разъ онъ шелъ съ Мердеромъ по нарядной Петербургской улицѣ—Невскому проспекту, — какъ громкіе стоны поразили его слухъ. Царевичъ увидѣлъ, что на баркѣ, стоящей на рѣкѣ, лежитъ старый, больной рабочій. Его била лихорадка и онъ жалко стоналъ. Царевичъ быстро бросился къ нему по перекинутой на берегъ дощечкѣ. Онъ наклонился къ больному, ласково его распрашивалъ, и слезы катились изъ его глазъ. Онъ попросилъ у Мердера золотой и подарилъ его старику, спря-

тавъ монету на грудь больному, подъ грязную рогожу, которою тотъ былъ покрытъ... И печальный отошелъ онъ отъ него и долго не говорилъ ни слова.

Время шло, наступалъ 1834 годъ, въ которомъ Наслѣднику должно было исполниться 16 лѣтъ — возрастъ, считаемый совершеннолѣтіемъ для будущихъ государей. Но любимый его воспитатель не дождался этого торжества: онъ скончался въ этомъ же году за границею. Жуковскій былъ счастливѣе и привѣтствовалъ день совершеннолѣтія Александра Николаевича — 17-е апрѣля, день въ который Наслѣдникъ принесъ государю торжественную присягу на вѣрное служеніе своему отечеству и будущей державѣ своей. Это событіе внушило Жуковскому слѣдующую «Пѣснь на присягу Государя Наслѣдника»:

На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ Воскресенья
Узрѣла русская земля
Прекрасный день его рожденья.

* * *

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

***

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ *)
Въ прекрасный день его рожденья.

***

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ нимъ отецъ и властелинъ;
Присягу сына царь пріемлетъ.

***

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младыя
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Еще задолго до совершеннолѣтія Наслѣдника, Мердеръ уже имѣлъ радость видѣть, какъ исчезъ безвозвратно послѣдній слѣдъ дѣтской лѣни въ его питомцѣ. Способности души его всѣ проснулись теперь къ дѣятельной жизни. Со вниманіемъ изучалъ онъ исторію, которую Жуковскій называлъ сокровищницею просвѣщенія царскаго. Давно, когда онъ только началъ занятія исторіей, онъ изучалъ впервые жизнь и дѣянія римскихъ императоровъ; разъ на урокъ пришелъ го-

*) Петербургъ.

сударь Николай Павловичъ и спросилъ сына: который изъ римскихъ императоровъ ему болѣе всѣхъ нравится? Наслѣдникъ подумалъ. Онъ слышалъ о многихъ блестящихъ завоевателяхъ, могущественныхъ, искусныхъ правителяхъ, мудрыхъ философахъ среди римскихъ императоровъ. Но онъ сказалъ, что болѣе всѣхъ ему нравится императоръ Титъ; а это былъ тотъ, который сказалъ: «Если мнѣ случится въ цѣлый день не сдѣлать ни одного добраго дѣла, то я считаю, что потерялъ этотъ день».

Послѣ своего совершеннолѣтія еще три года провелъ Наслѣдникъ за серіозными занятіями, заботясь о своемъ просвѣщеніи. Жуковскій внушалъ ему, что власть царя происходитъ отъ Бога, и что на высотѣ самодержавной власти государь долженъ являть высочайшій примѣръ покорности правдѣ Божіей... Наслѣдникъ постоянно дѣлился мыслями съ Жуковскимъ, относился къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, довѣріемъ и любовью, какъ къ наставнику и другу.

Весною 1837 года государь Николай Павловичъ послалъ Наслѣдника въ путешествіе по Рос-

сіи. Жуковскій долженъ былъ сопутствовать ему, какъ и товарищи его по ученію—Віельгорскій и Паткуль. Они путешествовали около восьми мѣсяцевъ. Наслѣдникъ изъѣздилъ Россію отъ Невы до Дона и отъ Днѣпра до Иртыша. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, и онъ совершилъ все это путешествіе въ экипажѣ. Вдоволь насмотрѣлся онъ на разнообразныя картины русской природы; видѣлъ и болотистыя равнины сѣвера, поросшія мелкими соснами да елками, южнѣе безконечныя волнующіяся нивы, потомъ широкую Волгу.... Вездѣ толпы народа выбѣгали къ нему навстрѣчу, привѣтствовали его съ восторгомъ и благоговѣніемъ, какъ сына царскаго и святую надежду Россіи. Дворянство давало въ честь его блестящія празднества, купечество подносило ему хлѣбъ-соль, но больше всего трогала его безкорыстная любовь простого народа... Наслѣдникъ посѣщалъ учебныя заведенія, осматривалъ фабрики, богадѣльни, посѣщалъ и больницы, и тюрьмы. Онъ бывалъ въ деревняхъ и селахъ, заходилъ въ избы къ крестьянамъ, видѣлъ бѣдность лицомъ къ лицу.

Посѣтивъ Приволжье, молодой царевичъ направился въ Оренбургъ, а оттуда въ Сибирь, гдѣ

еще не бывалъ до тѣхъ поръ ни одинъ русскій государь или наслѣдникъ престола. «Доселѣ нашъ край былъ Сибирью, а теперь сталъ Россіей», говорили сибиряки.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1837 года вернулся Наслѣдникъ въ Петербургъ. Онъ видѣлъ родину свою и народъ свой лицомъ къ лицу и почувствовалъ, что въ его груди бьется русское сердце. Многое изъ того, что онъ слышалъ, и видѣлъ, и испыталъ во время этого путешествія ненарушимо сложилъ онъ въ сердцѣ своемъ...

— «Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ», сказалъ Александръ Николаевичъ послѣ своего путешествія.

Съ этого времени императоръ Николай Павловичъ призвалъ сына своего къ участію въ дѣлахъ государственныхъ. Въ 1841 году Наслѣдникъ Цесаревичъ женился на юной принцессѣ гессенской, съ которою онъ познакомился, путешествуя за границею. Молодая супруга цесаревича была наречена въ православіи царевною Маріею Александровною.

Шли годы. Могущество Россіи возрастало и начало пробуждать опасенія въ государствахъ западной Европы.

Въ 1853 году три государства заключили между собою союзъ и объявили войну Россіи.

Это были: Турція, Англія и Франція.

Завязалась кровавая борьба. Россія отбивалась отъ трехъ, потомъ отъ четырехъ государствъ разомъ—къ союзникамъ присоединилась еще Сардинія. На всѣхъ русскихъ водахъ появились непріятельскіе корабли; огромный союзный флотъ вошелъ въ Черное море и присталъ у берега Крыма. Многочисленная французская, англійская и турецкая армія высадилась на сушу и двинулась къ Севастополю, который пока защищалъ небольшой отрядъ моряковъ, гдѣ стояло нѣсколько русскихъ кораблей, и еще не было никакихъ укрѣпленій. Но Севастополь былъ силенъ духомъ своихъ защитниковъ, которые были готовы во что бы то ни стало стоять за родину. Городъ былъ окруженъ съ моря; съ суши подходили несмѣтныя полчища. Наши моряки вынуждены были потопить свои родные корабли,

которыми такъ гордились, чтобы заградить врагамъ доступъ въ севастопольскую бухту — если бы союзный флотъ ворвался туда, все могло быть кончено. Моряки приготовились сражаться на сушѣ. Адмиралъ Корниловъ объѣхалъ войска и сказалъ всѣмъ: «Умремъ ребята, а не сдадимъ Севастополя!» И всѣ дружно отвѣчали: «Умремъ! ура!» Солдаты и жители бросились укрѣплять городъ со стороны суши, безъ устали работая днемъ и ночью; женщины, мальчики, старики, всѣ явились на помощь. Усиленнымъ маршемъ шли въ Севастополь войска изъ глубины Россіи и присоединялись къ морякамъ; пріѣхалъ знаменитый инженеръ Тотлебенъ распоряжаться работами и научилъ севастопольцевъ, какъ сдѣлать самыя прочныя, самыя неприступныя укрѣпленія. Всѣ попытки остановить, задержать сильнѣйшихъ враговъ были безуспѣшны. Неустанно двигались войска и обозы по степнымъ и проселочнымъ, безконечнымъ русскимъ дорогамъ; всѣ они тянулись на югъ. У непріятеля же на мѣстѣ было вдоволь и войска и продовольствія, и подъ рукою былъ быстрый флотъ. Много разъ пытались непріятели взять городъ штур-

момъ, приступомъ, но наши севастопольцы всегда ихъ отбивали. Зато рѣдѣли и рѣдѣли ряды славныхъ защитниковъ родины, а война все затягивалась. Уже погибли Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, любимые начальники, надежда войска; всѣхъ сразили вражескія ядра, всѣ положили головы за отечество въ честномъ бою. Но не падали духомъ русскіе люди, хотя на сѣверной сторонѣ Севастополя возвысилась необъятная братская могила, скрывшая сотни павшихъ, хотя больницы были переполнены ранеными, и то тутъ, то тамъ загорались дома отъ непріятельскихъ бомбъ... Никогда въ войскѣ не раздалось не только малодушнаго, но даже неосторожнаго слова; всѣ поддерживали другъ друга, уповая на милосердіе Божіе. Между тѣмъ враги принялись бомбардировать несчастный городъ. Около полутора милліона бомбъ и ядеръ бросили союзники въ Севастополь за все время одиннадцатимѣсячной осады. Разрывные снаряды падали среди улицъ и укрѣпленій, производя страшныя опустошенія. Гулъ отъ пальбы стоялъ въ воздухѣ. Уже изъ всѣхъ силъ поддерживала Россія неравную борьбу... Всѣ русскіе держали одно въ

мысляхъ: долго ли продлится еще славная оборона? И у всѣхъ замирало сердце... Государь Николай Павловичъ не дождался конца. Удрученный горемъ, скончался онъ 18 февраля 1855 года, завѣщавъ наслѣднику своему служить Россіи, благословляя его на трудные дни испытанія.

Въ такое-то тяжкое время вступилъ на престолъ русскій новый императоръ — Александръ II.

Мужественной рукою поддержалъ онъ страшную борьбу. Онъ призвалъ на помощь народное ополченіе. Новый рекрутскій наборъ доставилъ новыя, послѣднія силы. Но насталъ часъ, когда нельзя стало держаться въ Севастополѣ, потому что онъ пересталъ существовать: онъ превратился въ сплошную груду развалинъ... Въ то же время на главномъ нашемъ укрѣпленіи, Малаховомъ курганѣ, взятомъ штурмомъ, взвилось французское знамя.

Тогда войска наши перешли на сѣверную сторону севастопольской бухты и вновь укрѣпились тамъ. А покинутый Севастополь тотчасъ же былъ занятъ непріятелями — но они увидали

однѣ развалины, обагренныя русской кровью, да дымящіеся пороховые погреба, взорванные послѣ отступленія нѣкоторыми матросами-смѣльчаками. Корабли же и пушки, которыхъ нельзя было всѣхъ взять съ собою, покоились на днѣ морскомъ.

Вскорѣ послѣ того начались переговоры о мирѣ. Первая заговорила Франція—къ ней должны были присоединиться и остальные союзники. Императоръ Александръ пожелалъ воспользоваться этимъ, чтобы какъ можно скорѣе прекратить кровопролитіе, и изъявилъ согласіе на миръ. Союзныя государства, воевавшія съ нами, предложили тяжелыя, невыгодныя для Россіи условія. Но они не включили туда ничего обиднаго для чести русской, считая это невозможнымъ, такъ какъ теперь хорошо узнали своихъ противниковъ и научились уважать ихъ. Императоръ Александръ Николаевичъ неуклонно настоялъ на томъ же, чего требовалъ и отецъ его: чтобы султанъ турецкій сравнялъ своихъ подданныхъ-христіанъ въ ихъ правахъ — съ мусульманами. Султанъ торжественно далъ такое обѣщаніе передъ лицомъ всей Европы, и христіане въ Турціи (славяне)

почувствовали, что у нихъ есть могучій заступникъ. Но императоръ согласился не строить новыхъ укрѣпленій на берегу Чернаго моря, не держать въ немъ военнаго флота и т. п., спѣша дать отдыхъ своему народу послѣ тяжелой трехлѣтней войны.

19 марта 1856 года императоръ Александръ возвѣстилъ манифестомъ народу о заключеніи мира.

«При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи», говорилось въ этомъ манифестѣ, «да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою — стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности — и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается *въ мирѣ* плодомъ трудовъ невинныхъ».

Велико и обширно было царство императора Александра II; въ войнѣ и мирѣ позналъ онъ преданность долгу, терпѣніе и добродушіе своего

народа. На высотѣ престола русскаго онъ чувствовалъ, что власть царя происходитъ отъ Бога; онъ помнилъ завѣтъ своего стараго воспитателя, что царь долженъ являть высшій примѣръ покорности Божіей правдѣ. Сердце и умъ его были полны любовью къ народу. И онъ рѣшилъ самодержавною властію своею освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Государь рѣшилъ уничтожить эту коренную несправедливость, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями и опасеніями въ виду благородной цѣли.

Откуда же явилось крѣпостное право на Руси? Чтобы понять его происхожденіе надо начать издалека.

Издавна просторно было русскимъ людямъ селиться на громадной равнинѣ по теченію Днѣпра и Волги. Земли было вдоволь; всякій могъ выбрать себѣ участокъ и кормиться отъ него плодами рукъ своихъ, и все еще оставалось много земли гулящей, не занятой. Но не у всякаго хватало силы и предпріимчивости, чтобы разработать непочатую почву безъ всякой помощи. И

многіе предпочитали селиться на чужой землѣ, получивши отъ хозяина ея помощь на первоначальное обзаведеніе. Питаясь отъ чужой земли, такіе крестьяне должны были вознаградить хозяина за пользованіе его собственностью. На это дѣлалось извѣстное условіе, взаимное соглашеніе. Иногда назначалась извѣстная, опредѣленная плата за аренду, деньгами или хлѣбомъ; иногда отбывали крестьяне свой долгъ работой, иногда они жили исполу, т. е. отдавали хозяину земли половину урожая, полагаясь на волю Божію; худъ—урожай—терпѣли и хозяинъ земли и крестьянинъ, воздѣлавшій ее; хорошъ—оба благодарили Бога....

Время шло, и по мѣрѣ того, какъ все больше размножались русскіе люди, какъ все шире они селились и больше и больше распахивали сохою родную землю, по мѣрѣ того росло и крѣпло русское государство, собирая народныя силы въ единое, мощное цѣлое. Медленно и трудно складывалось оно изъ раздробленныхъ, часто враждовавшихъ, княжествъ, томившихся подъ игомъ татарскимъ. Вождемъ силъ народныхъ въ этой

работѣ былъ великій князь Московскій, собиравшій Русь около Москвы.

Въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ существовало уже сильное Московское государство, въ которомъ русскіе люди сознавали себя единымъ народомъ. Каждый русскій человѣкъ былъ вмѣстѣ и членъ этого государства, и, кромѣ всѣхъ своихъ частныхъ дѣлъ и работъ, обязанъ былъ принимать участіе и въ общемъ дѣлѣ и общей работѣ. Трудно доставалось русскимъ людямъ отстаивать свою вѣру и свою народность. Государство должно было постоянно поддерживать борьбу на четыре стороны съ сосѣдями—врагами, угрожавшими самому его существованію. Съ раннею весною подымались рати на южную границу, сторожить ее отъ набѣговъ степныхъ татаръ, Мордвы и хищной Черемисы, вѣчно готовыхъ къ нападенію. Государство нуждалось въ служилыхъ людяхъ, которымъ могло бы довѣрить защиту отечества, полагаясь на ихъ вѣрность и умѣніе. По первому призыву являлись они со всѣхъ концовъ земли русской «конны, людны и оружны». Они не получали жалованья и всѣ средства на службу свою

и снаряженіе отряда получали отъ той земли, которою надѣляли ихъ государи, на которой «испомѣщали» ихъ. (Въ старину слово «испомѣщать означало—надѣлять помѣстьями; впослѣдствіи отъ этого произошло слово «помѣщикъ»). Служба служилыхъ людей продолжалась отъ юношескаго возраста до гробовой доски. Купцы иначе принимали участіе въ общей заботѣ: они платили пошлины, которыя составляли доходы государства. А крестьяне—землепашцы—«тянули тягло», т. е. платили подати и отбывали временныя повинности, изъ которыхъ важнѣйшею была конечно ратная. Такъ всѣ были призваны къ единой общей работѣ.

Главную военную силу государства составляли служилые люди; но они могли править службу только получая средства отъ земли. Между тѣмъ крестьяне любили переходить съ мѣста на мѣсто, ища лучшей почвы, или болѣе льготныхъ земель, напримѣръ монастырскихъ, съ которыхъ брали меньше податей. А когда съ теченіемъ времени явились помѣстья и мелкія, и очень крупныя, то крестьяне постоянно искали возможности селиться

у крупныхъ помѣщиковъ, которые имъ могли предоставить бо́льшее количество земли, между тѣмъ какъ больше подати съ нихъ за это не полагалось. Богатые помѣщики часто сманивали крестьянъ у бѣдныхъ сосѣдей. И стали жаловаться служилые люди, мелкопомѣстные помѣщики, что не въ мочь имъ править службу государеву. Правительство старалось помочь дѣлу и опредѣлило, что крестьяне могутъ покидать свои прежнія земли только по окончаніи сельскихъ работъ, вполнѣ разсчитавшись со своимъ помѣщикомъ. Это время было назначено указомъ около осенняго Юрьева дня.

Къ концу XVI-го и началу XVII-го вѣка эти выходы крестьянъ совсѣмъ прекращаются. Если всегда было нелегко уйти крестьянину со старой земли, потому что для этого требовался окончательный разсчетъ съ помѣщикомъ, то съ теченіемъ времени старинный долгъ помѣщику такъ сталъ затруднять крестьянъ, что они уже не могли избыть его заразъ, по своему желанію. Въ такомъ случаѣ, если они уходили, то незаконно бросали помѣщика: это былъ уже не «вы-

ходъ», а побѣгъ. Такіе побѣги правительство преслѣдовало, какъ преступленія, и помѣщикъ всегда имѣлъ право поймать бѣжавшаго отъ него крестьянина и вновь водворить на своей землѣ. Такъ были запрещены выходы, и крестьяне очутились прикрѣпленными къ землѣ. Отъ того времени пошла поговорка: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!».

Въ началѣ XVII вѣка грозная Смута угрожала поколебать весь строй Московскаго государства. Прекращеніе царскаго рода Рюриковичей, польское нашествіе, самозванцы, всюду смятенія, враги въ Москвѣ, междоусобія, всѣ бѣды. Съ честью и силою вышелъ русскій народъ изъ тяжкаго испытанія, не распалась русская земля, и кончилось безгосударное время съ избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, чей родъ донынѣ благополучно царствуетъ. Но не даромъ обошлось народу лихолѣтье и польское разореніе: сильно увеличилась скупость крестьянская, и многіе добровольно шли въ «кабалу» и обращались въ «холопей», только чтобы не платить податей, которыя стали для нихъ уже слишкомъ тяжелы. Но между такимъ «холопомъ» и насто-

ящимъ крестьяниномъ была большая разница. Продавшій себя въ вѣчное услуженіе за деньги, «холопъ», считался вещью домашнею. А крестьянинъ по закону имѣлъ свою землю, отданную ему въ вѣчное пользованіе, съ которой помѣщикъ на могъ его согнать. Продавалась земля, и крестьяне переходили къ новому землевладѣльцу и только. Но уже въ XVII-мъ вѣкѣ случалось помѣщикамъ беззаконно продавать крестьянъ безъ земли, такимъ же образомъ, какъ холопей; случалось, что и тѣми изъ крестьянъ, которые жили на землѣ помѣщичьей, владѣльцы стали распоряжаться, какъ распоряжались своими холопами. А искать управы на помѣщика тогда крестьянину было трудно и мудрено. Постепенно помѣщики захватывали все бо̀льшую и бо̀льшую власть надъ крестьянами, такъ что тѣ становились прикрѣпленными уже не къ землѣ, а къ личности помѣщика, т. е. постепенно обращались въ его рабовъ. Такъ съ теченіемъ времени прикрѣпленіе къ землѣ обратилось въ крѣпостное право помѣщиковъ, которое никогда не было имъ даровано особымъ указомъ. Тогда стали продавать крестьянъ, «на выводъ» семействами или отдѣль-

ными лицами для домашнихъ услугъ помѣщиковъ. Уже Петру Великому пришлось издавать указъ: «продажу людямъ пресѣчь», и далѣе, «а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то чтобы людей продавать семействами, а не врозь, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается». Подати же правительству платили сами землевладѣльцы по числу душъ, за ними состоявшихъ. Они могли отвести своимъ крестьянамъ земли, сколько имъ было угодно, и даже вовсе не дать ея, кому хотѣли, выдавъ вмѣсто того готовое пропитаніе и одежду. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ могущественная имперія Русская уже не находилась въ нуждѣ вѣчно держать на готовѣ служилыхъ людей и дворяне были освобождены отъ обязательной военной службы. Но судьба крестьянъ пока еще не измѣнялась. Крѣпостное право только еще болѣе распространилось, особенно въ царствованіе Екатерины Великой.

При наступленіи нынѣшнаго XIX столѣтія такъ называвшіеся крѣпостные люди» вовсе не походили на старинныхъ крестьянъ, прежнихъ «черныхъ людей» Московскаго государства.

«Крѣпостные кресьяне» XIX вѣка, или про-

сто «крѣпостные», какъ ихъ называли, были самое многочисленное сословіе Русской имперіи. Они были крѣпки помѣщику и вполнѣ отъ него зависѣли. За землю, которою они отъ него пользовались, они должны были отплачивать ему своимъ трудомъ—«барщиной». Они обработывали поля помѣщика, какъ и свои, и справляли ему всѣ работы. Другихъ слугъ и работниковъ у помѣщика не было. Часть крестьянъ занималась ремеслами во дворѣ у помѣщика, или служила ему лично въ качествѣ прислуги; такіе крестьяне назывались «дворовыми». Такъ участь крестьянъ стала единственно зависѣть отъ воли помѣщика; желалъ онъ имъ добра, заботился о нихъ—имъ было хорошо; искалъ онъ только своей выгоды, да своей власти—приходилось имъ плохо. Уже государь Павелъ Петровичъ издалъ законъ о томъ, чтобы крестьяне работали на помѣщика не болѣе трехъ дней въ недѣлю; но этотъ законъ плохо исполнялся.

Обо всемъ этомъ крѣпко подумалъ императоръ Александръ Николаевичъ любящимъ сердцемъ своимъ и пришелъ на помощь крестьянамъ.

Еще будучи наслѣдникомъ, онъ убѣдился въ

томъ, что крѣпостное право помѣщиковъ давно перестало быть необходимымъ и уже ни къ чему не служило, а между тѣмъ крестьяне отъ него терпѣли. Еще будучи наслѣдникомъ онъ видѣлъ, какъ отецъ его, государь Николай Павловичъ, былъ занятъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ, какъ многими мѣрами старался облегчить ихъ участь, то запрещая продавать крестьянъ въ розницу, то запрещая и пріобрѣтать крестьянъ дворянамъ безземельнымъ. Александръ Николаевичъ разумѣлъ громадность великой задачи, еще будучи наслѣдникомъ.

Но государь вѣрилъ въ свой народъ и надѣялся на помощь Божію. Ни передъ чѣмъ не останавливаясь, онъ рѣшилъ освободить крестьянъ: его надежды оправдались.

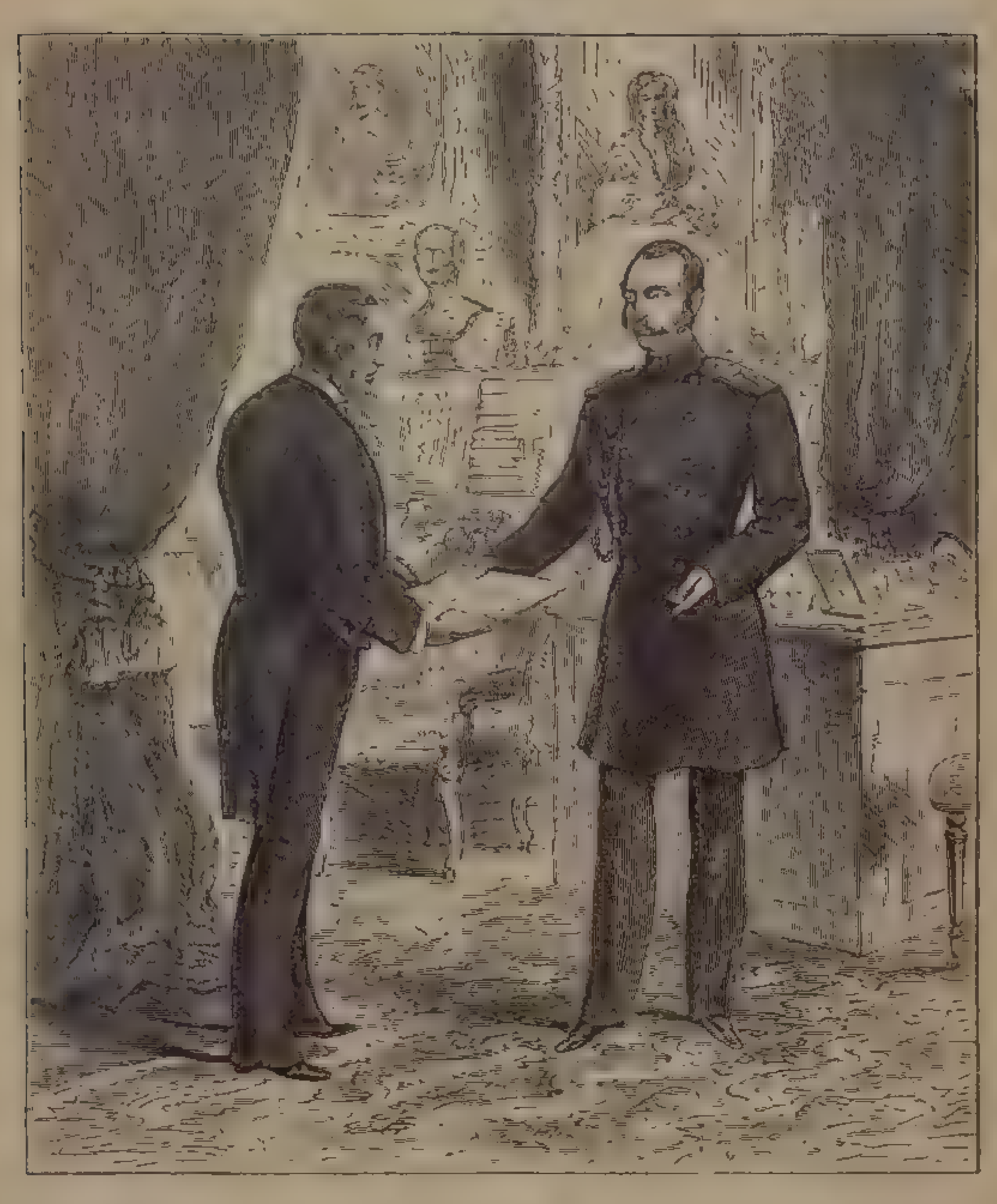
Еще будучи въ Москвѣ на коронаціи своей въ 1856 году, императоръ Александръ обратился съ рѣчью къ представителямъ дворянства, собравшимся для этого торжества. Онъ сказалъ дворянамъ, что настала крайняя необходимость заняться улучшеніемъ быта крестьянъ, что онъ проситъ ихъ хорошенько подумать объ этомъ.

А въ слѣдующемъ 1857 году онъ учредилъ

уже главный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, назначивъ его предсѣдателемъ брата своего великаго князя Константина Николаевича. Этому комитету было поручено подумать и поработать, чтобы разсудить, какъ именно слѣдуетъ въ порядкѣ приступить къ освобожденію крестьянъ. Надо было и помѣщиковъ не обидѣть, и крестьянамъ дать и волю и землю.

При Комитетѣ были учреждены коммиссіи изъ довѣренныхъ людей государя, которымъ онъ поручилъ разборъ и устройство крестьянскихъ дѣлъ. 6 марта 1859 года члены коммиссій представлялись государю. Онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его... мой выборъ палъ на васъ... Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте!»

Пока работали приближенные люди государя,



Александръ II вручаетъ министру С. С. Ланскому для обнародованія манифестъ и «положеніе 19 февраля 1861 г.».

по всей землѣ Русской прошелъ слухъ о *волѣ.*

Съ радостію отозвались лучшіе изъ дворянъ на голосъ своего царя. Одни спѣшили помогать ему, по мѣрѣ силъ своихъ, въ успѣшномъ разрѣшеніи дѣла; другіе тотчасъ же добровольно отказывались отъ личныхъ правъ своихъ на крестьянъ. Всѣ усилія явныхъ и тайныхъ противниковъ дѣла освобожденія не могли остановить его. Прошло четыре года въ подготовительныхъ работахъ. Государь съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда можно будетъ объявить радостную вѣсть своему народу. Онъ уже начиналъ находить, что дѣло затягивалось. Въ началѣ 1861 года онъ объявилъ собранію, работавшему надъ Положеніемъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, что онъ желаетъ объявить народу волю къ началу полевыхъ работъ. Положеніе было приготовлено ко дню восшествія на престолъ.

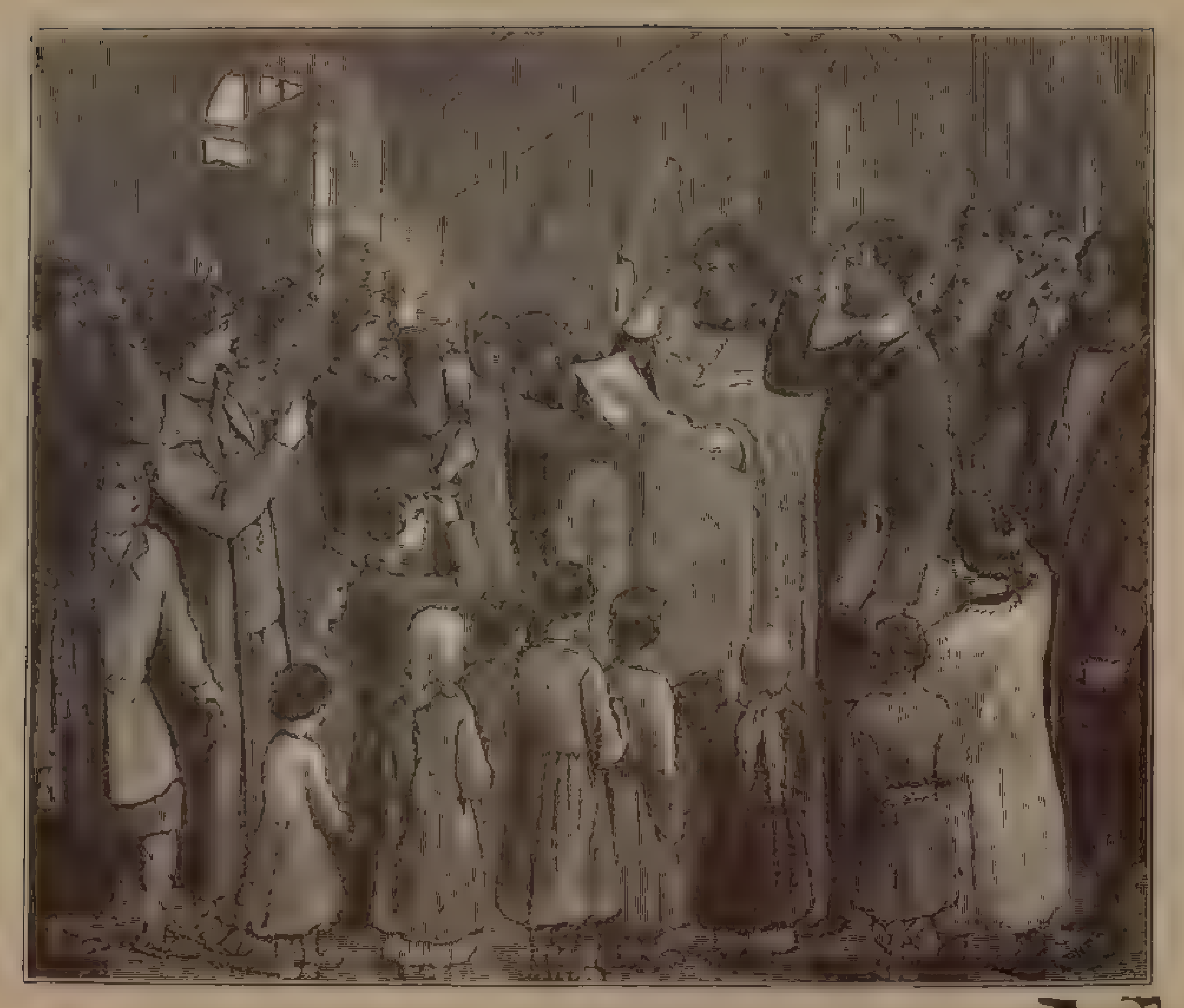
19 февраля 1861 года всемилостивѣйшій манифестъ, которымъ даровалась воля русскимъ крестьянамъ, былъ подписанъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, а 5 марта былъ объявленъ всему народу.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго», такъ оканчивался манифестъ. Свободно вздохнули всѣ русскія груди милліоновъ бывшихъ крѣпостныхъ людей; державною волею и любовью снялъ съ нихъ навсегда узы рабства *Царь-Освободитель*.

Настала та пора, о которой нѣкогда мечталъ Пушкинъ говоря:

«Увижу ль я, когда народъ освобожденный,
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!»

И взошла эта прекрасная заря, чистая и ничѣмъ не омраченная. Народъ умѣлъ терпѣть и страдать, онъ умѣлъ и быть благодарнымъ и достойно пользоваться дарованною свободою. Никакихъ безпорядковъ и волненій не произошло; была только общая, безмѣрная радость и ликованіе, только всѣ уста съ восторгомъ повторяли имя царя-освободителя и молились за него. Помѣщики были вознаграждены выкупомъ за ту землю,



«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ...»

которая отошла отъ нихъ крестьянамъ; расплата была разверстана на 49 лѣтъ и правительство щедро давало взаймы крестьянамъ, что-бы они вовсе не затруднялись выкупомъ. Владѣть своею землею крестьяне должны были сообща. Обо всѣхъ мѣстныхъ своихъ нуждахъ и дѣлахъ должны они были заботиться теперь сами. Для этого государь издалъ указъ, которымъ всѣ крестьяне были устроены въ свободныя сельскія общества; за порядкомъ въ селѣ долженъ смотрѣть выбранный крестьянами изъ своей среды человѣкъ —сельскій староста; а всѣ деревенскія дѣла обсуждаются и рѣшаются на сходкѣ всѣхъ домохозяевъ, т.-е. міромъ.

Полный любви къ народу своему и человѣчеству, много еще славныхъ дѣлъ совершилъ Царь-Освободитель съ помощью Божіею. Много и долго можно бы разсказывать о нихъ. Его заботы о судѣ, отмѣна жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе всеобщей воинской повинности, введеніе земскихъ учрежденій, заботы его о народномъ просвѣщеніи, турецкая война, навсегда увѣковѣчили имя его въ исторіи. Для всѣхъ и для всякаго старался онъ сдѣлать все, что могъ. Обле-

ченный могущественной властію, являя примѣръ кротости, онъ все же былъ не въ силахъ прекратить случаи преступленій въ царствѣ своемъ и перевести злодѣевъ, ибо худыя дѣла происходятъ отъ худыхъ побужденій злого сердца. Но онъ учредилъ новый судъ, который долженъ былъ охранять правду и справедливость въ царствѣ его, блюсти законныя права всякаго человѣка—«не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго». Онъ самъ, съ совѣтомъ и помощью ближайшихъ слугъ своихъ, обсудилъ все, что могъ сдѣлать для того, чтобы судъ воздавался скоро и нелицепріятно: старое поправилъ, установилъ вновь то, что считалъ справедливымъ и необходимымъ.

Судъ былъ прежде втайнѣ; про разбирательство вѣдали одни судьи и все оно велось только письменно. Много тутъ вкрадывалось грѣха и неправды. Государь Александръ II сдѣлалъ судъ гласнымъ и равнымъ для всѣхъ. Всякое дѣло разбирается въ подробности при всѣхъ, кто только пожелаетъ придти на разбирательство. Свидѣтели во всеуслышаніе даютъ показанія, судьи читаютъ дѣло вслухъ всѣмъ. Бѣд-

ный и богатый, простой человѣкъ и знатный всѣ одинаково отвѣчаютъ передъ судомъ—всѣ равны передъ царемъ и закономъ; а кому больше было дано, съ того еще строже взыскивается. Но не объ одной только справедливости заботился императоръ. Въ дѣло суда и расправы, необходимое на землѣ по жестокосердію людскому, онъ внесъ также и лучъ милосердія. Онъ зналъ, что вмѣстѣ съ виновными, часто и невинные подвергаются обвиненіямъ и подозрѣніямъ и одинаково должны томиться въ заключеніи, пока не рѣшится ихъ дѣло. Это время испытанія для виновныхъ, терпящихъ несчастіе, государь постарался сократить насколько возможно, устранивъ всѣ судебныя проволочки: онъ хотѣлъ, чтобы его правый судъ былъ и судомъ скорымъ. Онъ оказалъ милость даже осужденнымъ преступникамъ. Для нихъ прежде было закономъ установлено клейменіе лица, которое всѣмъ дѣлало видньмъ ихъ вину и навсегда позорило ихъ. Государь Александръ Николаевичъ его вовсе отмѣнилъ.

Дѣла о самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ императоръ предоставилъ рѣшать суду присяжныхъ, т.-е. двѣнадцати выборныхъ отъ всего общества, изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій, по жребію и очереди. Имъ предоставляется рѣшать,

виновенъ ли подсудимый во взводимомъ на него преступленіи. Они торжественно обѣщаютъ рѣшать по совѣсти и своему крайнему разумѣнію и цѣлуютъ въ томъ крестъ. Это называется присягой, отсюда ихъ названіе — присяжные. Они отвѣчаютъ суду: да, виновенъ, если убѣждаются въ виновности обвиняемаго. Если имъ кажется, что провинившагося извиняютъ какія-нибудь его обстоятельства и крайности, то прибавляютъ: виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія—и судъ смягчитъ слѣдуемое наказаніе. Если же присяжные убѣждаются, что подсудимый чистъ отъ обвиненія, то отвѣчаютъ: нѣтъ, не виновенъ—и человѣка отпускаютъ на свободу, и судъ оправдываетъ его.

Императоръ Александръ II отмѣнилъ всѣ тѣлесныя, жестокія наказанія, а установилъ такія, которыя бы вмѣнялись преступнику не въ одну кару и страданіе, а вмѣстѣ могли бы постепенно исправить его.

Прежде, въ старомъ судѣ, окончательное рѣшеніе о виновности всѣхъ подсудимыхъ было вполнѣ предоставлено самимъ назначеннымъ судьямъ. Они должны были рѣшать все единственно на основаніи *уликъ*. Были прямыя улики, или поймали съ поличнымъ—человѣкъ непремѣнно дол-

женъ быть обвиненъ. Нѣтъ уликъ — какъ бы сильно ни было подозрѣніе—человѣка отпускали на свободу или оставляли «въ подозрѣніи». Иногда и справедливо приходилось старымъ судьямъ произносить приговоръ на этомъ основаніи, а иногда волей-неволей приходилось брать грѣхъ на душу. Видѣлъ судья другой разъ, что человѣкъ кругомъ виноватъ, да только ловко вывернулся, сумѣлъ сухимъ изъ воды выйти; видѣлъ судья, что если отпуститъ его, это ему пуще дерзости придастъ, придется отъ него, можетъ быть, опять честнымъ людямъ пострадать. А по уставу судейскому долженъ быль отпустить его на всѣ четыре стороны, если на него *прямыхъ уликъ* не было. И хуже бывало: видитъ судья, что поклепъ на человѣка, или что злая судьба надъ нимъ подшутила, чувствуетъ онъ, что не можетъ быть такой-то вотъ человѣкъ повиненъ въ томъ, что взводятъ на него. А накопились улики — приходится осуждать невиннаго.

Государь Александръ Николаевичъ рѣшилъ этотъ порядокъ исправить. Присяжные обязаны не стѣсняться количествомъ уликъ, а рѣшать дѣло по своему внутреннему убѣжденію, слушаясь единственно голоса своей совѣсти. Чтобы какъ можно больше уяснить имъ дѣло, на судѣ произ-

носятся двѣ рѣчи: «обвинитель» напоминаетъ присяжнымъ все, что говоритъ противъ подсудимаго; а «защитникъ»—все, что можно привести въ его оправданіе. Если же защитнику самому по совѣсти кажется, что подсудимый кругомъ виноватъ, онъ можетъ отказаться защищать его. Такъ же, если обвинитель убѣждается, что подсудимаго напрасно обвиняютъ, онъ можетъ отказаться отъ обвиненія.

Тяжела и трудна обязанность присяжныхъ: въ ихъ рукахъ часто находится вся участь человѣческая, иногда многихъ людей. Крѣпко должны они помнить, для чего призвалъ ихъ государь, чего онъ самъ желалъ достичь своими новыми судебными уставами, помнить его священный завѣтъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ!»

Присяжные засѣдаютъ въ высшемъ, такъ называемомъ *окружномъ* судѣ, гдѣ разбираются болѣе важныя дѣла, касающіяся жизни, чести, имущества и безопасности людей. Признанные приговоромъ присяжныхъ виновными приговариваются судомъ къ болѣе или менѣе тяжкимъ, установленнымъ по закону, наказаніямъ: къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, къ тюремному заключенію и т. п. Оправданные отпускаются на свободу.

Дѣла меньшей важности Государь поручилъ вѣдать мировымъ судьямъ, единолично. Мировой судья разбираетъ мелкіе споры, ссоры, жалобы, стараясь прежде всего помирить противниковъ; поэтому-то онъ и называется «мировымъ». Ему подлежатъ также дѣла о мелкихъ кражахъ, мошенничествахъ, лѣсныхъ порубкахъ и т. д. Мировой судья самъ назначаетъ наказанія виновнымъ, справляясь въ законѣ, что именно полагается за какой проступокъ. Все разбирательство у мирового судьи происходитъ гласно и на словахъ; только приговоръ свой судья обязанъ записать и ввести въ особую книгу.

Каждый мировой судья избирается на три года, послѣ чего можетъ быть замѣненъ другимъ, или вновь выбранъ опять на три года. Избирать мировыхъ судей Государь указалъ «городскимъ думамъ» и «земскимъ собраніямъ», которыя были учреждены указомъ 1-го января 1864 года, когда вышло «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ».

Онъ указалъ, чтобы населеніе каждой губерніи само заботилось о своемъ общественномъ хо-

зяйствѣ черезъ выборныхъ людей, знающихъ и надежныхъ, которымъ бы виднѣе было, что всего нужнѣе устроить или исправить и какъ разложить на плательщиковъ земскіе сборы, соразмѣрно достатку каждаго. Такихъ довѣренныхъ людей Государь указалъ избирать изо всѣхъ сословій: и дворянъ, и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ, и изъ духовныхъ; и этимъ-то выборнымъ завѣдывать общественными доходами и расходами. Каждый выборный долженъ подавать свой *голосъ*, т.-е. свое мнѣніе, какъ слѣдуетъ по его крайнему разумѣнію поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Выборные называются поэтому *гласными*.

Каждый уѣздъ выбираетъ своихъ гласныхъ, которые, съѣзжаясь для совѣщанія, составляютъ «уѣздное земское собраніе». Дѣла, касающіяся цѣлой губерніи, обсуждаются особыми губернскими гласными на «губернскомъ земскомъ собраніи». Въ земскихъ собраніяхъ избираются въ свою очередь лица, которымъ поручается исполнять постановленія собраній, надзирать за работами и наблюдать за правильнымъ ходомъ дѣлъ по об-

щественному хозяйству; изъ этихъ лицъ составляются уѣздная и губернская земская управа.

Такимъ образомъ Государь предоставилъ населенію уѣздовъ и губерній право обсуждать сообща свои хозяйственныя дѣла, и всѣ сословія призвалъ къ заботамъ объ общественномъ благоустройствѣ. Земствамъ поручено заботиться о народномъ здравіи и просвѣщеніи, устроивать больницы и народныя школы, а также заботиться о продовольствіи, т.-е. о содержаніи хлѣбныхъ запасовъ, о помощи народу въ случаѣ недорода, о проведеніи и поддержаніи въ исправности дорогъ, о страхованіи крестьянскихъ строеній, о призрѣніи престарѣлыхъ и сиротъ и т. д.

Высочайшимъ указомъ 16-го іюня 1870 года утверждено новое «Городовое Положеніе», по которому города получаютъ подобное же право самостоятельнаго завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Городскіе «гласные» составляютъ «городскую думу», при которой состоитъ «городская управа». Дума устанавливаетъ городскіе сборы и заботится о благосостояніи города, подобно тому какъ земство — о благосостояніи сельскомъ.

Такъ, освободивъ крестьянъ, Царь указалъ всѣмъ русскимъ людямъ одну общую, одинаково для всѣхъ полезную, земскую работу. Крестьянинъ и дворянинъ, купецъ и духовный, ремесленникъ и ученый рука объ руку могутъ трудиться сообща для пользы отечества и взаимно помогать другъ другу.

Уничтоживъ крѣпостную неволю, императоръ Александръ Николаевичъ рѣшилъ облегчить своему свободному народу тягости военной службы.

При крѣпостной зависимости обязательно служили въ войскахъ только крестьяне да мѣщане. Каждый солдатъ долженъ былъ отбыть двадцатипятилѣтній срокъ. Духовенство и купечество не обязаны были военною службою. Дворяне же служили по своей охотѣ, кто хотѣлъ, и сколько хотѣлъ.

Случилось это такъ:

Встарину дворяне всѣ поголовно были обязаны службою, всѣ были служилые люди. Они должны были стоять на стражѣ земли русской, для защиты ея отъ многочисленныхъ, недремлющихъ

враговъ. Крестьяне тянули тягло, дворяне несли обязательную службу, отъ 15-ти лѣтъ до конца жизни, обороняя ту границу, близъ которой были «испомѣщены». По мѣрѣ того, какъ собиралась и укрѣплялась русская земля, уменьшалась надобность въ неусыпной оборонѣ границъ. Крестьянинъ же становился ратникомъ случайно, во время похода, по окончаніи котораго возвращался къ сохѣ. Ратники не получали надлежащей выправки и подготовки къ бою. Мало-по-малу они оказались совершенно не въ силахъ противостоять европейскимъ регулярнымъ арміямъ, т.-е. постояннымъ войскамъ съ хорошимъ вооруженіемъ, обученнымъ военному искусству. А между тѣмъ въ XVIII-мъ вѣкѣ Россіи пришлось вести великую Сѣверную войну за обладаніе берегомъ Балтійскаго моря. Петръ Великій хотѣлъ пробиться къ морю, чтобы на корабляхъ доставлять товаръ въ Европу и чтобы легче получать оттуда все нужное, чего недоставало намъ. Для этого онъ и построилъ потомъ близъ моря г. Петербургъ. Но надо было сперва добыть берегъ моря. Явилась необходимость въ многочисленномъ, постоянномъ и обученномъ войскѣ. Тогда, гото-

вясь къ войнѣ съ Швеціей, Петръ Великій произвелъ общій рекрутскій наборъ, по 5 человѣкъ съ тысячи, одинаково съ тяглыхъ и нетяглыхъ русскихъ людей. Каждый солдатъ долженъ былъ служить всю жизнь. Въ такомъ «регулярномъ» полку встрѣчались помѣщики и рекрута со всѣхъ концовъ земли русской: мѣстныхъ отрядовъ ужъ не стало, вся армія стягивалась къ Балтійскому морю, гдѣ происходила борьба со Швеціей. Рядовые изъ дворянъ служили совершенно наравнѣ съ рядовыми изъ крестьянъ, кромѣ того, что дворянинъ обязанъ былъ Петровскимъ закономъ до поступленія на службу получить извѣстное образованіе, знать «грамоту и цыфирь». Только службой дворянинъ достигалъ офицерства въ арміи, чего могъ достичь и недворянинъ.

Послѣ Петра Великаго стало опять по иному.

Русское Государство окончательно окрѣпло и съ честью заняло мѣсто среди европейскихъ великихъ державъ. Дворяне постепенно освободились вовсе отъ обязательной службы. Одни служили въ гражданской службѣ и жили въ горо-

дахъ; другіе служили въ гвардіи, или въ арміи въ офицерскихъ чинахъ, изъ чести, по своей охотѣ. Обязательная же военная служба осталась на податныхъ сословіяхъ. Время отъ времени производился «наборъ». Крестьянскія и мѣщанскія общества сами должны были опредѣлять, какой семьѣ настала очередь ставить рекрута. Съ горемъ и плачемъ провожали родные новобранца. Уходилъ онъ отъ нихъ на всю жизнь, часто за тысячи верстъ отъ родины, такъ что и повидаться трудно было надѣяться. Брали рекрутовъ изъ людей въ возрастѣ отъ 21 года до 30 лѣтъ, такъ что часто у человѣка бывала уже своя семья, маленькія дѣти: и вотъ они лишались своего кормильца. Императоръ Николай Павловичъ опредѣлилъ срокъ солдатской службы въ 25 лѣтъ, такъ что солдатъ, отбывъ срокъ, могъ вернуться на родину. Но не красна была доля такого отставного служиваго. Возвращался онъ уже въ лѣтахъ или вовсе почти старикомъ; дѣло свое прежнее успѣлъ совсѣмъ позабыть; родныхъ и знакомыхъ часто вовсе никого въ живыхъ не заставалъ. А между тѣмъ, иной разъ, безъ руки, безъ ноги приходилъ онъ на старое пепелище. И приходи-

лось одинокому грустно свой вѣкъ доживать, маяться. Очередному рекруту дозволялось за себя охотника поставить. И вотъ всякое зажиточное семейство этимъ пользовалось и нанимало какого-нибудь отчаяннаго человѣка въ службу идти. А другимъ можно было просто деньгами откупиться, уплативъ въ казну опредѣленную сумму. Наконецъ стали зачислять въ военное сословіе сыновей солдатскихъ, если они родились въ то время, какъ отецъ ихъ уже служилъ. Какъ только мальчики подростали, ихъ отнимали и отъ отца и отъ матери и брали въ казармы. Тамъ они воспитывались, какъ сироты, среди солдатъ и назывались «кантонистами.» Императоръ Александръ II сказалъ, что защита престола и отечества есть священная обязанность *каждаго* русскаго подданнаго, что долженъ былъ признать всякій, кто хотѣлъ быть справедливымъ. Императоръ сдѣлалъ все, чтобы какъ можно справедливѣе распредѣлить эту обязанность на всѣхъ своихъ подданныхъ. Кромѣ того, онъ задумалъ какъ только возможно облегчить самую тяжесть военной службы.

Прежде всего, въ самый день своей коронаціи, онъ объявилъ, что наборовъ покамѣстъ не будетъ производиться втеченіе четырехъ лѣтъ—далъ отдохнуть народу послѣ тяжелой Крымской войны. Потомъ онъ возвратилъ кантонистовъ ихъ родителямъ и постановилъ впередъ всѣхъ солдатскихъ дѣтей зачислять въ свободныя податныя сословія. И наконецъ 1 января 1874 года онъ объявилъ уставъ о всеобщей воинской повинности.

Всѣ сословія теперь одинаково подлежатъ воинской повинности. Откупаться никому и никакъ не дозволяется. Ежегодно призываются всѣ молодые люди, достигшіе 21-лѣтняго возраста. Такихъ набирается каждый годъ въ Россіи до 800 тысячъ, но берутъ въ армію только около 200 тысячъ, по жребію. Остальные зачисляются въ ополченіе, т.-е. возьмутъ ружье только въ случаѣ крайней необходимости и опасности отечества. Срокъ же солдатской службы государь Александръ Николаевичъ назначилъ въ 6 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы еще 9 лѣтъ солдатъ числился въ запасѣ. Кромѣ того, онъ далъ призываемымъ льготы по образованію. Шесть лѣтъ служитъ только неграмотный, а кто получилъ извѣстное образованіе, служитъ меньше.

По справедливости, каждый гражданинъ земли русской долженъ быть и ея защитникомъ. Но государь хотѣлъ соблюсти не одну правду, но и милость въ дѣлахъ своихъ. Онъ принялъ во вниманіе семейное положеніе каждаго юноши. Тѣхъ которые въ семьѣ своей — единственные работники, государь рѣшилъ вовсе избавить отъ службы. Ихъ могутъ потребовать только если призывныхъ не хватитъ до требуемаго числа новобранцевъ, чего при обыкновенномъ порядкѣ вовсе не должно быть. Это называется льгота перваго разряда. Дается также льгота старшему сыну при маленькихъ братьяхъ и отцѣ, не способномъ къ труду. Если и безъ такихъ полно число новобранцевъ, то и ихъ освобождаютъ отъ службы. Это льгота второго разряда. Изъ одной и той же семьи обыкновенно не требуется другихъ новобранцевъ, если одинъ братъ еще служитъ, или умеръ, будучи на службѣ. Такіе призываемые имѣютъ льготу третьяго разряда. Такъ положилъ императоръ, чтобы не слишкомъ обременять и многочисленную семью.

Прежнія жестокія тѣлесныя наказанія (шпицрутены и прогнаніе сквозь строй) Александръ II вовсе отмѣнилъ въ войскахъ, какъ и для преступниковъ, еще указомъ 17 апрѣля 1863 года.

Онъ установилъ обязательное обученіе грамотѣ для всѣхъ солдатъ или такъ называемыхъ нижнихъ чиновъ. А для тѣхъ изъ нихъ, кто получитъ охоту къ ученію и захочетъ продолжать учиться, онъ учредилъ ротныя школы. Достигнуть офицерскаго званія онъ предоставилъ всякому, кто выдержитъ установленное для того испытаніе. Теперь, прослуживши свой очень короткій, сравнительно съ прежнимъ срокъ, солдатъ возвращается на родину съ благодарностью за науку и становится тѣмъ же, кѣмъ онъ былъ до поступленія въ армію.

Такъ навсегда снялъ Александръ II съ плечъ простого народа тяжкое и неудобоносимое бремя старинной рекрутчины. Распредѣливъ равномѣрно обязанность военной службы между всѣми, онъ и облегчилъ ее для всѣхъ.

Всѣми мѣрами старался государь избѣгнуть войны и доставить своему народу миръ и тишину. Его царствованіе было по преимуществу мирное царствованіе, хотя совершенно безъ борьбы съ сосѣдями нельзя было обойтись. Такъ при немъ продолжалась борьба съ черкесами на Кавказѣ, которая и кончилась присоединеніемъ Кавказа къ Россіи. При немъ же русскіе должны были усмирять набѣги народовъ изъ Средней Азіи и для

прекращенія ихъ присоединять многія земли къ Россіи. Все это, однако, не требовало особенно большихъ усилій со стороны государства. Но прошло двадцать два года со времени восшествія на престолъ Александра II и надвинулась черная туча, тяжкое испытаніе. Россіи пришлось вести войну съ Турціей, стариннымъ ея врагомъ. Чтобы понять, чѣмъ была вызвана эта необходимость, надо вспомнить кто это турки и почему они стали нашими врагами.

Болѣе четырехсотъ лѣтъ тому назадъ турки-магометане пришли изъ Азіи въ Европу, въ богатую страну на западномъ берегу Чернаго моря и завоевали ее, т. е. забрали себѣ землю, покорили жителей и остались жить тамъ. Эта страна выходитъ къ морю и называется Балканскій полуостровъ; на сѣверѣ ея протекаетъ широкій Дунай, впадающій въ Черное море. Она издавна была заселена *славянами.* По племени и языку они намъ родные и всѣ они исповѣдуютъ вѣру православную, такъ же какъ и мы. Языкъ ихъ очень похожъ на русскій, а еще болѣе — на церковно-славянскій, т.-е. на тотъ, на которомъ въ церкви читаютъ Евангеліе. Значитъ и по духу и по крови приходятся эти славяне

братьями намъ русскимъ. Называются они сербами, болгарами, черногорцами, босняками и герцоговинцами. Во всей Европѣ нѣтъ у нихъ друзей, кромѣ русскихъ. За то Россія всегда и была ихъ заступницей, когда только могла и сколько могла.

Турки-мусульмане, не вѣрующіе въ Христа, Сына Божія, ненавидятъ и презираютъ завоеванныхъ ими славянъ христіанъ. Плохо приходилось несчастнымъ славянамъ подъ владычествомъ турокъ. Турки завладѣли ихъ землею, и имъ же отдавали ее въ аренду за дорогую плату, требуя, кромѣ того, съ нихъ себѣ всяческіе налоги. Но главное то, что они всѣми способами гнали вѣру христіанскую, грабили и оскверняли церкви православныя, надругались надъ священниками, называли славянина не иначе какъ «собака-христіанинъ». Повсюду и звонъ колокольный они запретили, кромѣ какъ на горѣ Аѳонъ, и позволяли только чугунныя билы (доски) держать при церкви. Всякій мусульманинъ могъ безнаказанно обижать, какъ ему вздумается, *гяура* (невѣрнаго), т.-е. славянина. Жалобы славянъ турецкій судъ не принималъ, показанія славянъ на судѣ не считались за свидѣтельство. Изъ опасенія мести со стороны славянъ, или, какъ турки ихъ

называли, *райи*, имъ строго было запрещено имѣть оружіе, подъ страхомъ наказанія. Всякое турецкое начальство, особенно сборщики податей, старались все, что только могли, вытянуть со славянъ-земледѣльцевъ. Зато райя долженъ былъ всю жизнь, съ утра до глубокой ночи, рукъ не покладывая, работать—и все для турка; хорошо, если пятая часть въ свою пользу оставалась. Объ ученіи и просвѣщеніи и думать было нечего, и райи коснѣли во мракѣ невѣжества. Но никакимъ смиреніемъ и трудолюбіемъ нельзя было добиться славянамъ, чтобы турки оставили ихъ по крайней мѣрѣ въ покоѣ. Вѣчная, постоянная опасность грозила имъ: святыню ихъ грабили, священниковъ сажали въ тюрмы, женъ и дочерей ихъ силою похищали турки себѣ въ жены и увозили въ свои гаремы. Но четыреста лѣтъ турецкаго ига не заставили славянъ покинуть вѣру христіанскую. Правда, находились и между ними измѣнники, которые, прельстившись на выгоду мірскую, переходили въ магометанство. Почетомъ ихъ окружали турки, а эти «потурченцы» лютѣе самихъ турокъ были къ своимъ прежнимъ собратьямъ. Но немного было такихъ, а весь народъ крѣпко стоялъ за вѣру православную.

Изъ всѣхъ славянъ только одни храбрые чер-

ногорцы никогда не были турецкими рабами. Помогли имъ въ томъ неукротимая отвага да неприступныя горы ихъ родины. Немногочисленный народъ храбрецовъ укрывался въ нихъ, какъ въ орлиномъ гнѣздѣ, часто пугая и самихъ турокъ. Изъ остальныхъ же славянъ цѣною многихъ и долгихъ усилій, съ помощью и поддержкой Россіи, почти вовсе освободились отъ турецкаго ига сербы. Это случилось уже въ XIX-мъ вѣкѣ при императорѣ Николаѣ I. Условіемъ мира съ Турціей онъ поставилъ признаніе русскаго покровительства надъ Сербіей, и султанъ долженъ былъ согласиться. Сербы должны были платить дань туркамъ, но стали управляться собственнымъ княземъ, и турки уже не смѣли мѣшаться ни въ какія ихъ дѣла. Что же касается до остальныхъ славянъ, то и тутъ часто вѣское слово русскаго царя заставляло турокъ хоть на время одуматься. Турки боялись спорить съ такою могущественной державой, какою стала Россія, а славяне на нее крѣпко надѣялись. Въ XIX-мъ вѣкѣ Россія достигла своихъ естественныхъ границъ: русское племя разселилось по всей обширной восточной равнинѣ отъ Бѣлаго до Чернаго моря. Остальныя европейскія государства стали бояться Россіи и завидовать ей. Вѣчно враждуя между со-

бою, они соединились въ общей зависти къ Россіи и вызвали ее на страшную Крымскую войну. Три христіанскихъ государства—Англія, Франція и Сардинія сообща съ Турціей напали на Россію. Мирный договоръ, которымъ кончилась Крымская война, который заключилъ съ союзниками Александръ II, называется Парижскимъ. Пользуясь тѣмъ, что побѣда осталась за ними, союзники заставили Россію отказаться отъ *исключительнаго* права покровительства славянскимъ подданнымъ Турціи. Вмѣсто того, они брались всѣ сообща и вмѣстѣ съ Россіей слѣдить за тѣмъ, чтобы турки не обижали славянъ - христіанъ. А между тѣмъ Англія, Франція и Австрія заключили между собою договоръ, которымъ обѣщались помогать другъ другу поддерживать всегда цѣлость турецкой имперіи, т.-е. турецкое иго надъ христіанами. На это у каждаго государства были свои своекорыстные разсчеты.

Прошло двадцать слишкомъ лѣтъ, а турки все отдѣлывались словами да фальшивыми обѣщаніями въ отвѣтъ на всѣ увѣщанія Россіи измѣнить бѣдственное положеніе славянъ. Они знали, что Австрія и особенно Англія—за нихъ. Но наконецъ переполнилась чаша долготерпѣнія славянскаго.

Въ 1875 году герцеговинцы и босняки смѣле

возстали противъ турокъ, требуя себѣ равноправія съ мусульманскими подданными Турціи. Турки оставались глухи къ самымъ справедливымъ требованіямъ и слышать не хотѣли ни о какихъ уступкахъ. Началась неравная борьба—борьба не на животъ, а на смерть. Озлобившись на смѣлость славянъ, турки изощрялись въ неслыханныхъ звѣрствахъ, надѣясь запугать славянъ и подавить возстаніе. Главные мучители были баши-бузуки, особый отрядъ турецкой конницы. Запылали деревни и села... Возставшіе прятались въ горахъ и пещерахъ. Храбрый князь черногорскій Николай Нѣгошъ пришелъ на подмогу со своими удальцами-юнаками. Сербская армія тоже выступила противъ турокъ; надъ ней начальство принялъ русскій генералъ Черняевъ. Отъ края до края Россіи неслась молва о мученіяхъ христіанъ въ Турціи, толковали о томъ, какъ мало ихъ противъ турокъ, какъ они во всемъ нуждаются... Въ церквахъ русскихъ стали собирать пожертвованія въ пользу несчастныхъ. То тутъ, то тамъ собирали что-нибудь для раненыхъ и отправляли за Дунай. Многіе русскіе врачи, многія сестры милосердія ѣхали туда же — принести свою безкорыстную, усердную лепту. Находились и такіе, которые доброю волею поступали въ ряды

сербской армія и сражались часто храбрѣе самихъ сербовъ. Но мало было и сербскихъ солдатъ, и русскихъ добровольцевъ. Турки одолѣвали числомъ и неистовствомъ своимъ, а также благодаря великолѣпному оружію, которымъ торопилась снабжать ихъ Англія. Сербіи грозила участь Герцеговины—быть истребленной огнемъ и мечомъ. Тогда-то раздалось слово русскаго императора. Александръ II потребовалъ отъ турецкаго султана, чтобы тотъ прекратилъ военныя дѣйствія противъ сербовъ—и султанъ не смѣлъ ослушаться. Государь остановилъ кровопролитіе, потребовавъ перемирія, и спасъ Сербію отъ турецкаго вторженія. Но турки не унялись и обратились на беззащитныхъ болгаръ—наиболѣе забитый народъ изъ всѣхъ ихъ славянскихъ подданныхъ. Болгары волновались и готовы были присоединиться къ сербамъ. Турки рѣшились усмирить готовившееся возстаніе и вырвать съ корнемъ всякую мысль о сопротивленіи. Всѣ бѣды и муки обрушились на беззащитное болгарское населеніе. Православныхъ священниковъ распинали на крестахъ, заковывали въ цѣпи, крестьянъ жгли на медленномъ огнѣ, дѣтей разрубали на части на глазахъ ихъ матерей. Въ дыму пожара, залитая кровью, изнемогала несчастная Болгарія...

Если всѣ русскіе люди страдали, возмущались и негодовали при слухахъ объ ужасной судьбѣ своихъ младшихъ братьевъ-славянъ, если всѣ спѣшили жертвовать имъ на помощь кто деньги, кто труды, кто жизнь свою, могло ли розно биться съ сердцами своихъ подданныхъ сердце великодушнаго государя? Вся надежда несчастныхъ болгаръ была на русскихъ и на милость нашего великаго императора.

Государь Александръ Николаевичъ рѣшилъ, что настало время съ корнемъ вырвать турецкое иго и навсегда избавить балканскихъ христіанъ отъ произвола магометанъ. Онъ рѣшилъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы сдѣлать это мирнымъ путемъ. Посредствомъ своихъ посланниковъ императоръ предпринялъ цѣлый рядъ переговоровъ съ Турціей и съ Европой и устроилъ съѣздъ пословъ всѣхъ державъ въ Константинополѣ.... Около двухъ лѣтъ прошло въ лихорадочныхъ хлопотахъ.

— «Я знаю», сказалъ императоръ въ московскомъ Кремлѣ, «что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію. Но для меня истинные интересы Россіи дороже всего,

и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь».

Но всѣ усилія императора сохранить миръ не увѣнчались успѣхомъ. Турція пускалась на всевозможныя уловки. Наконецъ, на послѣднія окончательныя требованія Россіи (ультиматумъ) отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Итакъ турки не только угнетали и мучили, но обѣщали, что и впередъ будутъ мучить христіанъ, если тѣ вздумаютъ сопротивляться ихъ игу. Турки передъ всею Европой объявили это Россіи, бросили ей это заявленіе, какъ наглый вызовъ. Негодованіе вспыхнуло въ Россіи... и слово «война» было на всѣхъ устахъ. Всѣ волновались и ждали, что скажетъ государь. Но онъ медлилъ.

Отъ него зависѣло сказать слово — и тысячи и сотни тысячъ его подданныхъ двинутся въ далекій походъ, изъ котораго многіе вовсе не вернутся. Долгъ повелѣвалъ ему вступиться за угнетенныхъ. Онъ зналъ, что многіе готовы принять смерть за святое, за православное дѣло; онъ не хотѣлъ не слышать стоновъ и воплей славянъ; но сердце его обливалось кровью при мысли о томъ, чего будетъ стоить его родной странѣ

подвигъ великодушія, къ которому онъ призоветъ ее.

Настала весна. Армія на югѣ была уже готова. Императоръ поѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ было собрано большинство войска. Тамъ 12 апрѣля 1877 года, онъ, перекрестясь, подписалъ манифестъ, объявлявшій войну Турціи. Съ этого дня онъ призвалъ Россію къ подвигу и обрекъ сердце свое на безконечныя муки за всю землю русскую.

Отдавъ манифестъ кишиневскому епископу, императоръ поѣхалъ въ соборъ и долго-долго стоялъ на колѣняхъ передъ алтаремъ, изливая Богу душу и скорбь свою... Изъ собора онъ отправился на смотръ. Войска давно уже стояли неподвижно и молча, въ ожиданіи императора, сверкая массою стальныхъ штыковъ. Развернутыя знамена и пестрые значки развѣвались надъ безконечными рядами. Толпы народа стояли кругомъ. Епископъ Павелъ отслужилъ походную обѣдню. Тревожный шопотъ пробѣжалъ по всей безчисленной толпѣ, стоявшей съ обнаженными головами—и настала мертвая тишина. Тогда раздался голосъ епископа, читавшаго царскій манифестъ. Въ виду войскъ и народа, государь обнялъ главнокомандующаго—своего брата, великаго кня-

зя Николая Николаевича, и сказалъ войскамъ: «Прощайте, до свиданія! Возвращайтесь поскорѣе со славою! Поддержите честь русскаго оружія! Да хранитъ васъ Всевышній!» И громовые крики ура, крики восторга и преданности, разомъ вырвались изъ всѣхъ грудей, и безчисленныя массы народа кидались на колѣни и простирали руки къ государю.

Много славныхъ подвиговъ совершила русская армія въ войну 1877—78 годовъ, много подняла трудовъ, много перенесла лишеній. Шесть мѣсяцевъ императоръ дѣлилъ со своими войсками горе и радость, послѣдовавъ за ними въ Болгарію.

Русскимъ войскамъ пришлось сражаться и въ Европѣ, и въ Малой Азіи, такъ какъ турки и тамъ имѣютъ владѣнія. Въ Азіи сначала мы имѣли болѣе успѣха, чѣмъ въ Европѣ. Но главныя силы турки сосредоточили въ своихъ европейскихъ владѣніяхъ; здѣсь они защищали свою столицу—Константинополь или Царьградъ, и главная борьба происходила здѣсь. Поэтому императоръ поѣхалъ въ дунайскую армію, надъ которой командованіе онъ вручилъ своему брату, великому князю Николаю Николаевичу. А кавказской арміей командовалъ другой братъ государя, великій князь Михаилъ. Русскія войска перешли

довольно благополучно широкій Дунай и двинулись внутрь страны. За Дунаемъ государь сдѣлалъ смотръ вновь прибывшимъ войскамъ, уже прошедшимъ длинный путь. Онъ смотрѣлъ на движущуюся, стройную массу воиновъ съ загорѣлыми лицами, въ запыленной одеждѣ; онъ зналъ что они готовы умереть—и слезы обильно струились по его блѣдному лицу и скользили по сукну мундира... И тысячи сердецъ вздрогнули отъ восторга и самоотверженія, и тысячи привѣтственныхъ криковъ потрясли воздухъ.

Не легко досталась русскимъ войскамъ побѣда надъ турками. Особенно прославились въ эту войну генералы: Радецкій, Гурко, Скобелевъ, Драгомировъ, моряки—Дубасовъ и Шестаковъ и многіе другіе. Наиболѣе прославились русскія войска подъ Плевной и подъ Шипкой; тутъ же всего болѣе пролилось русской крови.

Шипка—это высокій горный перевалъ въ Балканахъ. Онъ былъ занятъ небольшимъ русскимъ отрядомъ. Горсть храбрецовъ въ теченіе семи дней обороняла его отъ цѣлой арміи Сулеймана-паши. Турокъ было такъ много, что Сулейманъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, непремѣнно вырвать Шипку изъ рукъ русскихъ. Онъ надѣялся воспользоваться также тѣмъ, что нашимъ вой-

скамъ пришлось укрѣпиться на очень открытой, неудобной позиціи. Сулейманъ обложилъ Шипку грознымъ кольцомъ своей арміи и думалъ, что заманилъ русскихъ въ западню. Бѣшеныя атаки турокъ слѣдовали одна за другой: какъ снѣгъ таяли немногочисленные русскіе ряды. Тутъ усердно сражались, заодно съ нашими, также и болгарскія дружины. Во весь длинный, лѣтній день продолжался бой, а вечеромъ надо было хоронить товарищей по-христіански. Солдаты уставали до того, что многіе отказывались отъ пищи. Наступило 11-е августа. У нашихъ уже вышли всѣ сухари и не было ни капли воды. Турки открыли адскій огонь изъ всѣхъ своихъ пушекъ; громъ орудій слился въ одинъ ужасный, непрерывный раскатъ; ружейная пальба не прекращалась. «Санитары и фельдшера перевязывали раны подъ жесточайшимъ огнемъ; санитары изъ болгаръ кидались въ самую схватку, чтобы выхватить и унести раненыхъ». Русскіе держались изъ послѣднихъ силъ. Турки изъ злобы разставили впереди въ разныхъ мѣстахъ своихъ стрѣлковъ, которымъ приказано было бить только по офицерамъ, по носилкамъ и по раненымъ — и стали стрѣлять, нарушивши слово, *разрывными* пулями, приносившими неотвратимую мучительную смерть. Уже русскія передо-

выя цѣпи такъ порѣдѣли, что солдаты поодиночкѣ перебѣгали съ мѣста на мѣсто, чтобы защищать позицію; раненые оставались въ строю. Уже штыками и прикладами удерживали непріятеля, а турки съ колѣна били въ упоръ по нашей батареѣ. Гранатъ у насъ не стало; артиллеристы вооружились саблями. Еще одинъ напоръ— и все казалось пропало. Но турки колебались и не смѣли грудь съ грудью схватиться съ нашими. Въ это время раздается команда сзади и рота русскихъ стрѣлковъ взбѣгаетъ на перевалъ. Съ крикомъ ура! всѣ бросились впередъ въ стремительномъ натискѣ. Турки совершенно оцѣпенѣли и бросились назадъ. Во весь духъ взлетѣлъ на конѣ генералъ Радецкій на крутую гору; по два верхомъ на казачьей лошади мчались стрѣлки. Подкрѣпленіе прибыло во-время.

Вечеромъ генералъ Радецкій объѣзжалъ позиціи и увидѣлъ на самомъ опасномъ мѣстѣ одиноко стоящаго, раненаго офицера съ окровавленнымъ лицомъ. Около него лежало на землѣ человѣкъ семнадцать. Офицеръ отдалъ честь командиру.

— «Что это они у васъ, спятъ?» спросилъ удивленный Радецкій.

— «Да, ваше превосходительство, спятъ и не проснутся! Всѣ убиты», отвѣчалъ офицеръ.

— «А вы что же здѣсь дѣлаете?»

— «Ожидаю своей очереди. Это была моя команда».

На слѣдующій день прибыли новыя подкрѣпленія. Турки бросались еще въ три безуспѣшныя атаки и наконецъ отступили и ушли прочь отъ Шипки.

Плевна былъ маленькій городокъ, прекрасно укрѣпленный турками. Сильная армія пряталась за его неприступными земляными стѣнами, унизанными сверху пушками. Плевненской арміей начальствовалъ лучшій полководецъ турокъ, храбрый Османъ-паша, котораго турки звали непобѣдимымъ. Подъ Плевной наши войска стояли около пяти мѣсяцевъ. Три приступа были отбиты одинъ за другимъ Османомъ-пашей съ великимъ для насъ урономъ. Тысячи выбывали изъ строя. Императоръ наблюдалъ за боемъ съ древняго кургана. Тамъ, куда еще не залетали турецкія пули, въ складномъ походномъ креслѣ, сидѣлъ онъ съ зрительной трубкой въ рукахъ, съ тревогой и сомнѣніемъ наблюдая за ходомъ сраженія; нѣсколько офицеровъ свиты почтительно стояли за нимъ... Такъ провелъ онъ день своего тезоименитства — 30 августа. Въ этотъ день былъ отбитъ еще нашъ приступъ...

мененнымъ, которыхъ хотѣлъ онъ утѣшить чѣмъ могъ. И вотъ онъ отправился вслѣдъ за войсками въ разоренную страну, жилъ подъ открытымъ небомъ, ночевалъ въ полуразрушенныхъ болгарскихъ избенкахъ, молился за войска и благословлялъ ихъ на бой. «Я ѣду братомъ милосердія»,—сказалъ онъ и отстранилъ отъ себя всякую военную славу. И онъ торопился туда, гдѣ никто не могъ замѣнить царя—къ своимъ раненымъ и больнымъ воинамъ. Онъ усердно посѣщалъ больницы и перевязочные пункты, утѣшалъ и ободрялъ страдальцевъ самыми ласковыми словами, собственноручно всѣмъ отличившимся раздавалъ Георгія за храбрость и мужество, обѣщалъ умирающимъ царскимъ словомъ позаботиться о судьбѣ ихъ семействъ, увѣряя, что ихъ заслуги не будутъ забыты. И доктора и сестры милосердія, неотступно ходившіе за ранеными, дышавшіе гнилымъ воздухомъ, чувствовали въ себѣ новыя силы отъ присутствія, одобренія, благодарности государя. Онъ лично ѣздилъ благодарить свои доблестныя войска послѣ сраженій, горячо молился за убіенныхъ на полѣ брани надъ братскими могилами и на панихидахъ въ убогихъ болгарскихъ церквахъ. Вѣчно находясь въ тревогѣ и скорби,

часто подвергаясь мѣстной лихорадкѣ, онъ постоянно былъ ласковъ и привѣтливъ къ окружающимъ, скрывая свое нездоровье, спѣшилъ подѣлиться всякою новостью, приходившею къ нему изъ арміи, сознавая общее нетерпѣніе. Онъ всегда жилъ на главной квартирѣ вблизи войскъ, не заботясь о близости непріятеля и пренебрегая собственною опасностію.

Всѣ невзгоды и лишенія переносилъ онъ безропотно и являлъ первый примѣръ терпѣнія. Случалось ему ночевать и въ промокшей палаткѣ, и въ горницѣ безъ рамъ, гдѣ окна наскоро заклеили бумагой, а на стѣнахъ казаки углемъ намазали кресты... Въ мѣстечкѣ Порадимѣ ему было до такой степени холодно и нехорошо жить въ своей избенкѣ, что онъ лично обратился къ нѣкоторымъ солдатамъ изъ своего конвоя съ просьбою: «очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите ли вы мнѣ, голубчики, небольшую печь». Саперы бросились сооружать печь и обили комнату сукномъ, которое кто-то пожертвовалъ. Государь остался очень доволенъ.

Онъ не боялся никакихъ трудовъ, движимый любовію. Раненые и ихъ семейства были его неусыпною заботою. Радъ онъ былъ, когда изъ Петербурга прибывали вещи для раненыхъ, при-

сылавшіяся въ подарокъ императрицей Маріей Александровной. Онъ непремѣнно самъ раздавалъ ихъ, стараясь угодить каждому; музыкантамъ онъ давалъ гармоніи, грамотнымъ книжки, курящимъ кисеты для табаку. Какъ дѣти, радовались солдаты и офицеры, получая подарки изъ рукъ царственнаго «брата милосердія», слыша его задушевное слово. Разъ государь, выходя изъ палатки, гдѣ лежали одни трудно-раненые, на прощанье пожелалъ имъ поскорѣе выздоравливать— и вдругъ прокатилось громкое: «рады стараться ваше императорское величество!» Всѣ изумились, что такъ крикнули тяжко-больные, можетъ быть умирающіе. «Да вы ужъ постарались», черезъ слезы выговорилъ государь. Въ другой разъ государь взялъ за руку тяжко-раненаго офицера и отъ жалости самъ едва могъ проговорить ему нѣсколько успокоительныхъ словъ. Тогда тотъ, желая облегчить государю его собственныя страданія, собралъ свои послѣднія силы и сказалъ съ трудомъ въ полголоса: «Не извольте безпокоиться, ваше величество! Мнѣ хорошо. Всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...» и испустилъ последній вздохъ, едва только государь вышелъ изъ палатки.

Съ величайшимъ участіемъ разспрашивалъ го-



Александръ II посѣщаетъ въ госпиталѣ раненыхъ.

сударь, не имѣетъ ли кто какой-нибудь просьбы или особой заботы. Если находился проситель, государь говорилъ съ нимъ отдѣльно, вполголоса, чтобы тотъ не стѣснялся постороннихъ. Онъ бывалъ очень тронутъ, если кто ходатайствовалъ передъ нимъ о своей одинокой матери или вообще о своихъ родныхъ, остающихся безъ поддержки. Онъ спѣшилъ успокоить своихъ раненыхъ, увѣряя, что позаботится обо всемъ. Его вниманіе ко всякому горю было безконечно. Разъ онъ встрѣтилъ плачущаго солдата. Государь узналъ отъ него, что онъ денщикъ и нигдѣ не можетъ найти своего раненаго барина. Государь тотчасъ же послалъ отъ себя разыскивать офицера. Разъ мимо хижины императора ѣхалъ обозъ съ тѣми ранеными офицерами, которыхъ везли уже на родину, въ Россію. Государь остановилъ обозъ и самъ вышелъ угощать офицеровъ, приказавъ подать имъ всего, что только можно было достать. Когда офицеры окончили обѣдъ, государь самъ сталъ завертывать оставшееся въ бумагу и раздавать изъ своихъ рукъ раненымъ на дорогу. Ангеломъ-утѣшителемъ являлся онъ всюду въ юдоль плача и страданій, и, какъ милости и счастія, просили у него страдальцы позволенія поцѣловать его руку. И такъ прожилъ онъ со

знать равноправность всѣхъ вѣръ и уже не воздвигать гоненій на православныхъ, которые остались жить въ ихъ предѣлахъ.

За военныя издержки Россія получила съ Турціи военную контрибуцію и два города въ Малой Азіи: крѣпость Карсъ, нѣкогда взятую русскими войсками, и городъ Батумъ, стоящій при Черномъ морѣ.

Такъ окончилась война и восторжествовало правое дѣло. Православные христіане были освобождены. Великій императоръ былъ вторично названъ царемъ-освободителемъ отъ балканскихъ христіанъ.

Не долго пришлось ему послѣ того со смиреніемъ нести крестъ свой...... 1-го марта 1881 г. двое злодѣевъ подстерегали его среди бѣла дня со спрятанными бомбами, на улицѣ Петербурга. Когда карета государя ѣхала мимо нихъ, одинъ бросилъ бомбу. Раздался страшный взрывъ, ранило нѣсколько прохожихъ и казаковъ, сопровождавшихъ государя Александра Николаевича. Кучеръ умолялъ государя скорѣе ѣхать во дворецъ, но государь не захотѣлъ вернуться въ карету раньше, чѣмъ взглянетъ на раненыхъ. Едва онъ подошелъ къ нимъ, какъ раз-

дался второй взрывъ—и обливаясь кровью, упалъ навзничъ кроткій императоръ. Бомба послѣдняго злодѣя пресѣкла великую жизнь. Съ растерзанными членами, съ прерывающимся дыханіемъ лежалъ онъ среди своей столицы, распростертый на землѣ въ лужѣ крови и могъ проговорить только: «Во дворецъ... тамъ умереть...» Во дворцѣ государь закрылъ глаза на вѣки. Императорскій флагъ былъ спущенъ на крышѣ Зимняго дворца—и весь городъ оцѣпенѣлъ, узнавши, что погибъ государь, погибъ отъ неслыханнаго злодѣйства.

Ужасъ пронесся по всей Россіи при вѣсти о томъ, что пролита кровь неповинная, что не бьется уже царское сердце, дышавшее любовью! Такъ Господь украсилъ царя вѣнцомъ мученика.

«На судъ справедливый, безстрашный и правый,
На судъ предъ потомства лицомъ
Предстанетъ твой царственный ликъ величавый,
Съ твоею безсмертною, чистою славой,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ».

Двадцать шесть лѣтъ (1855 — 1881) царствовалъ императоръ Александръ Николаевичъ. Много и неусыпно трудился онъ для всего своего на-

рода и страдалъ за землю русскую. Любящимъ сердцемъ заботился онъ объ одномъ для своего отечества, надъ которымъ Богъ поставилъ его государемъ—о правдѣ и милости. И не забудется въ Россіи имя царя-освободителя. Вѣчно памятенъ будетъ для всякаго русскаго сердца день *19-го февраля*, день восшествія на престолъ Александра II—гордости Россіи.


2007041016